

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД И АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИЙ

BIOGRAPHICAL METHOD AND ANALYSIS OF LIFE PATHS AS ALTERNATIVE APPROACHES TO THE SOCIOLOGICAL STUDY OF BIOGRAPHIES

Чжао Юаньлун

аспирант, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Yuanlong Zhao

postgraduate student, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

E-mail: z.bestdragon5@gmail.com

В статье рассматривается биографический метод и анализ жизненных путей в рамках социологического исследования биографического материала. Оба метода направлены на реконструкцию событий жизни человека, однако различаются подходы к такой реконструкции. Биографический метод ориентирован на сбор текстовых данных в процессе нарративного интервью, а последующая интерпретация текстов выполняется с целью выявления смысловых структур поведения людей. Анализ жизненных путей – это формализованный подход к установлению биографических фактов в их привязке к календарному времени с последующим применением специальных статистических методов выявления взаимосвязей между событиями. Делается вывод, что анализ жизненных путей более пригоден к исследованию каузальных связей в тех случаях, когда события мало зависят от целеполагания респондента. В иных случаях, анализ жизненных путей целесообразно сочетать с биографическим методом.

Ключевые слова: биографический метод; нарративное интервью; анализ жизненных путей; событийный анализ.

The article discusses the biographical method and the life course analysis within the framework of a sociological study of biographical material. Both methods are aimed at reconstructing human life events, but approaches to such reconstruction differ. The biographical method is focused on collecting textual data in the process of a narrative interview, and subsequent interpretation of texts is performed in order to identify semantic structures of human behavior. The life course analysis is a formalized approach to establish biographical facts in relation to calendar time, followed by the use of special statistical methods to identify the relationships between events. It is concluded that the life course analysis is more suitable for the study of causality in cases where events do not depend much on the respondent's goal-setting. In other cases it is advisable to combine the life course analysis with the biographical method.

Key words: biographical method; narrative interview; life course analysis; event histories analysis.

Согласно широко цитируемому положению немецких социологов Х. П. Блоссфельда и И. Хьюника центральная идея эмпирического исследования жизненных путей в рамках социологии заключается в выявлении и анализе состояния, эволюции общественных структур и институтов посредством изучения биографий членов этого общества как представителей следующих друг за другом возрастных когорт [1].

В указанном положении содержится сразу несколько понятий, которые отсылают к конкретным методам эмпирического исследования. Прежде всего, поскольку в рамках исследования жизненных путей основной учетной единицей выступает биография отдельного респондента, то вполне обоснованным может показаться предположение, что наиболее подходящим в данном случае является использование так называемого «биографического мето-

да». С другой стороны, отдельные респонденты нам интересны не сами по себе, а как представители некой социально-демографической общности, которая обозначается термином «когорта». В связи с этим можно предположить, что основным методом эмпирического исследования жизненных путей является так называемый *«метод когортного анализа»*.

Вместе с тем анализ жизненных путей как самостоятельный исследовательский подход не тождественен ни биографическому методу, ни методу когортного анализа.

Цель статьи – рассмотреть биографический метод и анализ жизненных путей как два самостоятельных и взаимодополняющих подхода к социологическому изучению биографий.

История возникновения концепции «жизненного пути» в социально-гуманитарном знании неразрывно связана с одним из первых удачных примеров использования биографического метода. В частности, в Австрии в 1933 г. опубликована работа Ш. Бюлер «Путь человеческой жизни как психологическая проблема», в которой было определено наличие определенных закономерностей (регулярностей) в жизни людей на определенных этапах их биологического возраста, что стало основанием для создания концепции жизненного пути. При этом указанные закономерности были установлены на основании детального изучения 53 биографий, собранных Ш. Бюлер и ее командой [2]. Таким образом, возникновение самой концепции жизненного пути обязано биографическому методу.

Пример использования биографического метода Ш. Бюлер весьма характерный, поскольку в этом примере отражаются многие характеристики указанного метода. Прежде всего, непосредственным эмпирическим материалом, с которым работает исследователь в рамках биографического метода, является как можно более подробный текст биографии человека. Это может быть самостоятельно записанная в рамках исследования автобиография или документы, которые создавались вне рамок научного исследования (например, личные дневники, письма, различные архивные сведения и т. п.). Также в настоящее время весьма распространенным способом получения первичных данных является

так называемое «открытое» (нестандартизированное) интервью [3]. Однако, какая бы методика сбора данных не использовалась, итоговым документом является текст, отражающий биографический материал и содержащий помимо фактов множество субъективных оценок и мнений относительно произошедших событий.

Именно текстовый материал лег в основу создания одной из самых известных работ, основанных на биографическом материале, а именно фундаментальный труд У. И. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», опубликованный в 1918–1921 гг., где в качестве эмпирического материала выступали тексты более 700 писем польских эмигрантов. Собственно первые два тома этого пятитомника практически полностью посвящены публикации текстов этих писем [4].

Использование текста (а не числовых баз данных) как эмпирического материала для исследования однозначно относит биографический метод к группе *качественных методов*, целью которых выступает не получение репрезентативных оценок параметров генеральной совокупности, а *понимание смысловых структур*, лежащих в основе поведения людей [5]. Подобный характер исходного материала определяет исследователя в качестве *интерпретатора* текста, основной задачей которого становится выявление латентных смысловых структур, знание которых позволяет понять содержательную сторону поведения респондента, включая его цели, мотивацию, установки, а также зависимость отдельных значимых событий от других элементов биографии, образующих определенный контекст жизненной ситуации.

Описанный характер биографического метода обусловил его распространенность в широком круге социально-гуманитарных наук. Первоначально данный метод возник внутри исторической науки как описание жизни выдающихся личностей, анализ биографии которых позволял объяснить логику тех или иных политических решений, которые имели большие исторические последствия. Ретроспективность биографического метода, в рамках которого осуществляется реконструкция определенных событий, сближает его с историческим исследованием, особенно когда в качестве

эмпирического материала выступают документальные источники [5].

Гораздо позже биографический метод «перекочевал» в этнографию и психологию. Этнографы использовали биографические данные представителей изучаемых этнических или племенных сообществ в качестве ключевой информации для понимания их институциональной организации и социальных практик. Всего несколько подробных интервью такого рода по своей информативности могут заменить долгие месяцы наблюдения за жизнью сообщества.

В психологии широкое распространение биографического метода связывают, прежде всего, с развитием психоаналитического направления. Работа З. Фрейда «Леонардо да Винчи и память его детства» (1910 г.) считается одним из первых примеров психологического анализа биографии человека. Как известно, З. Фрейд полагал, что биографические события, которые происходят в период детства, оказывают ключевое воздействие на формирование личности и обуславливают большинство психологических проблем взрослых людей [6]. Воспоминания пациентов о прошлой жизни, в особенности о детских переживаниях, являются основным материалом для изучения и коррекции личности. Представители данного направления отмечают, что биографическая реконструкция – это изначальная цель психоаналитического процесса, а сам психоанализ как генетическая психология представляет собой науку биографии [7]. При этом указанная биографическая реконструкция осуществляется, как правило, в форме свободного устного повествования, рассказа пациента. Именно этот аспект психоаналитической практики стал наиболее востребованным в методологии качественных социологических исследований, а именно в рамках *метода нарративных автобиографических интервью*, принципы которого во многом заимствованы из психоаналитического метода свободных ассоциаций [8].

Нарративное интервью, основоположником применения которого считается Ф. Шютце, позволяет респонденту представить свою историю жизни «по своим собственным критериям и релеванностям» [3]. Для качественного исследования весьма важно, как минимум на первом этапе, предоставить максимальную возможность

открытого повествования без привнесения в рассказ респондента исследовательских установок, фильтров и интерпретирующего воздействия интервьюера. Главное правило в данном случае заключается в том, что анализ осуществляется не во время интервью, а на основании уже собранных данных [8].

Вместе с тем материалы нарративных интервью, с их акцентом на попытке «услышать собеседника», не всегда подходят для последующего сравнения биографий всех опрошенных с целью формулировки обобщающих выводов. По этой причине использование данного метода может сочетаться с так называемым «*лейтмотивным интервью*», в рамках которого исследователем определяется сквозная тема или набор тем, по которым должны высказаться все респонденты. Бланк интервью в данном случае может содержать от пятидесяти и более вопросных сфер, которые должны быть озвучены, если респондент не выйдет на них самостоятельно. Этот элемент стандартизации делает полученные материалы более «удобными» для анализа, однако, как отмечают методологи качественных исследований, использование структурированного опросника в процессе интервью способно породить «искусственную» реальность, внешнюю и нерелевантную по отношению к респонденту [3]. В связи с этим по возможности с каждым респондентом рекомендуется проводить два интервью: первое (неструктурированное) – об истории жизни респондента с его собственной моделью повествования, композицией и релевантностями; второе (полуструктурированное) – уточнение фактов и мнений, необходимых для достижения цели и задач исследования [8].

Проведение нарративных интервью с последующими герменевтическими процедурами выявления латентных смыслов для понимания моделей поведения делает биографический метод крайне трудозатратным. По этой причине, чаще всего, выборка исследования составляет от 20 до 50 случаев. Даже в самых масштабных и знаменитых исследованиях с использованием биографического метода выборка редко превышала 50 случаев. Например, как отмечалось выше, Ш. Бюллер для своих весьма широких теоретических обобщений использовала всего 53 биографии. У. И. То-

мас и Ф. Знанецкий в своем монументальном труде о польских крестьянах изучили переписку всего 50 семей [9; 10].

При таком количестве наблюдений результаты биографического метода не могут рассматриваться с точки зрения статистического подхода к репрезентативности. Более того ошибочной практикой является количественный анализ (например, расчет частотных распределений) внутри самой выборки респондентов. Для обоснования достаточности охваченных наблюдений в данном случае используются иные нестатистические средства, например, метод «теоретического насыщения», согласно которому сбор данных можно прекращать, когда опрос последних пяти или десяти респондентов не принес принципиально нового материала, который может быть идентифицирован как новый вариант (новый тип, новый репертуар) смысловой структуры поведения в рамках исследуемого предметного поля. Опрос в таком случае прекращается, исходя из предположения, что все основные варианты зафиксированы [3].

Анализ жизненных путей практически во всем отличается от описанных характеристик биографического метода. Общим для них является лишь ориентация на реконструкцию биографических событий в жизни респондента. Однако подход к такой реконструкции принципиально отличается. В частности, в рамках анализа жизненных путей осуществляется формализованная фиксация календарного времени наступления строго определенного перечня событий в жизни человека, например: даты рождения, завершения образования, начала жизни отдельно от родителей, начала трудовой деятельности, вступления в брак, рождения детей и т. п. В результате исследователь имеет дело не со свободными нарративами, а с таблицей количественных данных, организованной как матрица «объект – признак», где для каждого респондента можно установить дату события, возраст на момент этого события, продолжительность времени между несколькими событиями.

Использование числовых данных в рамках анализа жизненных путей определяет этот подход (группу методов) как количественный [11]. Соответственно при последующей работе с данными используются

сугубо статистические, а не интерпретативные методы. Так, в конце 1970-х гг. был предложен подход, получивший название анализа истории событий или событийного анализа (event histories analysis) и предназначенный для изучения последовательности и возраста наступления событий, имеющих демографическое значение в жизни возрастных когорт [12]. В настоящее время событийный анализ объединяет широкую группу статистических методов, таких как таблицы дожития, кривые выживаемости Каплана – Мейера, регрессия Кокса и др. [13]. При этом к результатам подобных исследований применяются все статистические методы оценки репрезентативности с последующей экстраполяцией выводов на генеральную совокупность.

Методология анализа жизненного пути опирается на теоретическое допущение о том, что закономерности в частоте и временной последовательности значимых биографических событий в значительной мере детерминированы общественными структурами [1]. Поскольку частота и временная последовательность событий могут быть достаточно объективно зафиксированы с помощью стандартизированного инструментария, не требующего высокой квалификации от интервьюера (как в случае биографического метода), такие исследования могут иметь дело с достаточно большими выборками.

Возможность изучения взаимосвязей биографических событий на материале больших выборочных совокупностей с учетом фактора времени наступления этих событий обусловил значительный исследовательский оптимизм и большие ожидания от данной методологии в плане изучения причинно-следственных взаимосвязей. Х. П. Блоссфельд и И. Хьюник прямо отмечают, что традиционные исследования, фиксирующие все характеристики респондента на момент опроса, не могут указать на причинные взаимосвязи, поскольку такие взаимосвязи определяются только временной последовательностью причин и следствий и лишь «данные исследования жизненного пути обеспечивают оптимальные предпосылки изучения каузальных моделей, так как они содержат непрерывную временную последовательность состояний и свойств для различных жизненных сфер» [1].

Фактический опыт изучения причинных связей посредством анализа жизненных путей несколько снизил уровень ожиданий от данного подхода к исследованию. Действительно, в ряде случаев данная методология позволила выявить тесные взаимосвязи между событиями, причинный характер которых не вызывает больших сомнений. Например, по результатам исследования демографического поведения белорусского населения, проведенного в 2017 г. в рамках международной программы «Поколения и гендер», была установлена обратная зависимость вероятностей рождения второго и третьего ребенка от возраста рождения первого ребенка [14]. Указанная связь легко интерпретируется в категориях причинности. Действительно, чем раньше рождается первый ребенок, тем больше времени остается у женщины до конца фертильного периода жизни для принятия решения о рождении последующих детей. Например, когда в запасе остается более 20 лет, действительно высок шанс, что в течение этого периода сложится совокупность необходимых условий для рождения второго ребенка. Соответственно, если в запасе остается менее одного года, то даже при большом желании человека, вероятность этого события крайне низка.

Однако в большинстве случаев причинный характер взаимосвязи биографических событий весьма неочевиден. Несмотря на довольно продвинутые статистические методы событийного анализа указанный подход в своем основании несколько упрощает задачу по изучению причинных связей, когда речь идет о человеческом поведении. Методологическое допущение строгого детерминизма о том, что каузальные связи определяются «только временной последовательностью причин и следствий», не применимо при исследовании поведения людей.

Как отмечал еще в XIX в. французский социолог Г. Тард, причинная логика социального действия может разворачиваться в прямо противоположной хронологической последовательности, когда причина не предшествует следствию, а напротив, наступает уже после того события, которое является следствием. Такой порядок следования возможен, когда поведение чело-

века носит телеологический произвольный характер. В таких случаях цель действия, которая одновременно и является его причиной, находится в будущем, а само действие, которое является лишь средством достижения цели, предшествует цели в хронологическом измерении [15]. Например, женщина может решить, что она очень хочет родить ребенка, и сделает это целью своей жизни, для реализации которой ей необходимо вступить в партнерские отношения с мужчиной. В данном случае такие отношения могут выступать лишь средством достижения цели и быть следствием решения женщины о необходимости рождения ребенка. Однако, событийный анализ покажет, что вначале женщина вступила в партнерские отношения, а затем родила ребенка. По результатам такого анализа вероятнее всего будет сделан вывод о партнерских отношениях как о причине рождения ребенка. Такие выводы, не учитывающие телеологический фактор человеческого поведения, могут приводить к поспешным и необоснованным выводам, которые могут представляться исследователям само собой разумеющимися. Например, о том, что для улучшения демографической ситуации необходимо укреплять институт брака (ведь в крепком браке могут состоять и люди, которые не хотят иметь детей).

Однако учет телеологического фактора значительно усложняет анализ жизненных путей, обуславливая необходимость включать в аналитические модели субъективную информацию о целях, ценностях, установках людей. Следует констатировать, что в настоящее время не разработано строгой стандартизированной методологии учета субъективной информации в рамках каузальных статистических моделей событийного анализа. По этой причине наиболее успешный опыт широкого и плодотворного использования событийного анализа накоплен в сферах, где влияние субъективного фактора (то есть фактора человеческой воли) сведен к минимуму. Например, событийный анализ, обычно называемый «анализом выживаемости», получил широкое распространение в медицинских исследованиях [16], где изучаемое зависимое событие (смерть человека) и изучаемые причины (например, используемое лекарство) относятся к телу человека как биоло-

гического организма и практически не зависят от интеллигибельного мира значений и смыслов.

Вместе с тем, в рамках социологических и социально-психологических исследований предпринимаются попытки по разработке методических решений для учета субъективных и объективных данных при изучении жизненных путей. Одним из таких решений можно считать так называемую «каузометрию», которая представляет собой специфическую методику интервьюирования, в рамках которой реконструкция событий сочетается с оценочными суждениями об их каузальной взаимосвязи с учетом привязки ко времени жизни респондента. Результатом опроса становится так называемая «каузограмма» – график событий и структуры связей между ними. При этом каузометрия может охватывать не только события прошлого, но и будущего, что позволяет изучать влияние биографического контекста на специфику планирования значимых событий жизни людей [5].

Однако, на сегодняшний день каузометрия как исследовательская стратегия не получила широкого распространения, а отдельные методические решения имеют авторский и скорее локальный характер. Вопрос о разработке социологостатистической методологии анализа жизненных путей с учетом субъективной информации еще ждет своего решения. В настоящее время большинство исследователей приходят к выводу о необходимости дополнения количественных данных анализа жизненных путей качественными исследованиями, прежде всего, с использованием биографического метода [1]. Таким образом, анализ жизненных путей и биографический метод могут рассматриваться как два самостоятельных метода исследования биографии человека, каждый из которых «специализируется» на отдельной составляющей этого сложного феномена: анализ жизненных путей, прежде всего, исследует фактологические структуры био-

графий, тогда как биографический метод, прежде всего, исследует смысловые структуры.

Резюмируя результаты проведенного рассмотрения методологических особенностей биографического метода и анализа жизненных путей, необходимо отметить следующее.

Биографический метод и анализ жизненных путей в рамках социологического исследования направлены на реконструкцию событий жизни человека, однако подходы к такой реконструкции значительно различаются.

Биографический метод ориентирован на сбор текстовых данных в процессе максимально открытого (неструктурированного) нарративного интервью, который близок к психоаналитическому методу свободных ассоциаций. Последующая интерпретация текстов выполняется с использованием герменевтических процедур в целях выявления (понимания) смысловых структур, лежащих в основе поведения людей. Объем выборки таких исследований, как правило, не превышает 50 случаев, а достаточность охвата обосновывается теоретической насыщенностью изученных поведенческих репертуаров.

В свою очередь анализ жизненных путей – это формализованный подход к установлению биографических фактов в их привязке к календарному времени с последующим применением специальных статистических методов выявления взаимосвязей между событиями и экстраполяцией результатов на генеральную совокупность.

Учет фактора времени в рамках анализа жизненных путей позволял надеяться на его эвристическую ценность для изучения причинных связей. Однако, данный метод оказался наиболее востребованным в исследовании каузальных связей в тех случаях, когда события мало зависят от целеполагания респондента (например, в медицине). В иных случаях анализ жизненных путей целесообразно сочетать с биографическим методом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Блоссфельд, Х. П. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы / Х. П. Блоссфельд, И. Хьюник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 1. – С. 15–44.
2. Bühler, Charlotte. The Course of Human Life as a Psychological Problem / Charlotte Bühler // Human Development. – Vol. 11. – № 3 (1968). – P. 184–200.
3. Фукс-Хайнритц, В. Биографический метод / В. Фукс-Хайнритц // Биографический метод: история, методология, практика. – М.: Ин-т социологии РАН. – 1994. – С. 11–41.
4. Рождественская, Е. «Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты / Е. Рождественская, В. Семенова // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 261–284.
5. Логунова, А. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура / А. Ю. Логунова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 17–23. – (Серия: Политические, социологические и экономические науки).
6. Холоднович, Е. Н. Комплексная реконструкция жизненного пути и психологических характеристик исторической личности как метод исторической психологии / Е. Н. Холоднович // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 4(121). – С. 97–98.
7. Миллер, Ю. В. Статус биографического метода в современной психологии / Ю. В. Миллер, О. А. Белокрыкина // Наука и образование: материалы Всерос. с междунар. участием конф. студ., аспирантов и молодых ученых: в 6 т. – 2011. – Т. III: Педагогика и психология. Ч. 3: Психология. Связи с общественностью. Реклама. – С. 10–18.
8. Симонова, О. А. Теория и практика: психоаналитическая социология как психосоциальное исследование / О. А. Симонова, С. Кларк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2008. – № 4. – С. 40–49.
9. Znaniecki, F. The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group / F. Znaniecki, W. I. Thomas. – Vol. 1. – Boston: Gorham Press, 1918. – 526 p.
10. Znaniecki, F. The Polish Peasant in Europe and America. Monograph of an Immigrant Group / F. Znaniecki, W. I. Thomas. – Vol. 2. – Boston: Gorham Press, 1918. – 589 p.
11. Тыканова, Е. В. Основные понятия и подходы в социологическом изучении жизненных путей / Е. В. Тыканова, А. М. Хохлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2016. – № 3. – С. 4–19.
12. Терещенко, О. В. Анализ жизненных путей в исследованиях динамики общества / О. В. Терещенко // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций: к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 274–278.
13. Применение анализа выживаемости в здравоохранении с использованием пакета статистических программ SPSS / Е. Е. Шарапова [и др.] // Наука и здравоохранение. – 2017. – № 5. – С. 5–28.
14. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. – Минск: Белсэнс, 2018. – Т. II: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. – 189 с.
15. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 555 с.
16. Куликов, С. М. Анализ выживаемости или событийный анализ: типовые ошибки ретроспективного метода / С. М. Куликов, Е. Н. Паровичникова, В. Г. Савченко // Клиническая онкогематология. Фундаментальные исследования и клиническая практика. – 2010. – Т. 3. – № 2. – С. 176–183.

Поступила / Received: 02.02.2024